

**«КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**
(Секция «Филология, Лингвистика»)

**Диалектная интонация как выражение
этнокультурных особенностей говорящего**

Ю. Д. Абаева

*г. Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН*

Антропологическая направленность современных лингвистических исследований позволяет рассматривать языковые явления не только как средства передачи собственно лингвистической информации, но и как способ выражения особенностей национального мышления и национальной культуры. Интонация, как подсистема языка, также является носителем национально-культурной информации, за счет которой раскрывается национальная специфика звучащей речи. Предпринятое исследование диалектной интонации бурятского языка позволяет пролить свет на ментальные и этнокультурные особенности его носителей.

Идея о том, что интонация может выступать средством характеристики говорящего, неоднократно высказывалась в трудах ведущих интонологов. По мнению И. Г. Торсуевой, интонационный идиолект – это интонационные характеристики говорящего, которые обусловлены его психофизическими, профессиональными, социальными характеристиками [1]. Л.Г. Фомиченко, исследовав интерференцию на уровне просодии, приходит к выводу, что менталитет нации накладывает свою специфику на просодическое оформление речи [2].

Многодиалектный состав бурятского языка, обусловленный историей его сложения и современным бытованием на обширных территориях, закономер-

но влечет за собой его вариативность на всех уровнях, в том числе и на уровне просодии. Исследование акцентно-интонационных структур говоров и диалектов бурятского языка показало, что наряду с универсально-типологическими, в них ярко прослеживаются индивидуальные черты.

Речевая интонация южных бурят – сартулов – имеет сильно центрированный контур: один-два мелодических пика в фразе на словах, отмеченных логическим ударением. На остальном участке движение тона ровное, словесная просодия выражена слабо. Эта черта существенно отличает интонацию сартульского говора от интонации литературного бурятского языка, для которой характерно волнообразное ступенчатое изменение тона, где каждая ступень соответствует знаменательной словоформе. Такая центрированность мелодического контура способствует более быстрому произнесению фраз. По этой характеристике можно судить об энергичности и быстроте действий, большей скорости реакции его носителей. Об этом же свидетельствует редукция финального гласного в открытой позиции, которая позволяет произносить большее количество слов в единицу времени, то есть темп речи более динамичный.

Язык агинских бурят относится к хоринскому наречию, распространенному в восточной части бурятоязычной территории. В агинском говоре завершенная интонация имеет нисходящий мелодический рисунок, что является универсальной характеристикой. Однако зачастую это конечное понижение бывает не столь выражено: мелодика середины и конца высказывания движется монотонно на одном уровне, либо, понизившись на интонационном центре и постцентровой части, в конце высказывания может вновь повышаться.

Специальный вопрос в литературном языке произносится на среднем уровне с небольшим повышением на центре (чаще всего это вопросительное местоимение) и с умеренным понижением на постцентре. В агинском же говоре, на интонационном центре, локализованном на вопросительном слове, тон понижается и вновь повышается на финальном слоге высказывания. Вы-

раженное стремление к повышению тона к финалу фразы как в интонации завершенности, так и в специальном вопросе указывает на такие национальные особенности агинцев как мягкость, подчеркнута уважительное отношение к собеседнику, стремление к некатегоричной манере выражения суждений.

Таким образом, интонационная неоднородность и вариативность языка имеет свои предпосылки на уровне ментальности. Исследование показало, что интонация говоров или диалектов имеет ряд уникальных черт, в которых ярко отражаются этнокультурные особенности носителей данного говора.

Литература

1. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 2009.
2. Фомиченко Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции. Волгоград, 2005.

Когнитивно-синергетическая теория концепта: основные принципы

Л.В. Бронник

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

В современной науке все более заметную роль играет лингвосинергетический подход, уже проявленный в виде множества направлений – психолингвистического, гештальт-синергетического, функциональной лингвосинергетики, лингвистической синергетики, диахронической лингвосинергетики, контрадиктно-синергетической лингвистики и др. В названных подходах отражается языковая реальность, восприятие которой опосредовано лингвистическим структурализмом. В этой картине языка присутствует четкое разделение на язык – абстрактную систему знаков – и речь (дискурс), реализующую эту систему в конкретных ситуациях общения. Существует еще один способ осмысления языка – когнитивный, когда языковое значение признается психической сущностью. Его синтез с синергетическими понятиями и категория-

ми формирует подход, который можно назвать *когнитивно-синергетическим*, или *когнитивной лингвосинергетикой* [1].

Основу данного направления составляет когнитивно-синергетическая теория концепта, содержащая основные онтологические понятия и принципы – что такое языковой концепт с когнитивно-синергетической точки зрения. К основным когнитивно-синергетическим принципам нами отнесены:

1) *принцип когнитивности*: язык (языковые концепты) – одна из когнитивных способностей человека, возникающая из взаимодействия тела, мышления и социокультурной среды;

2) *принцип системности*: языковые концепты – системы природного порядка, основанные на эволюционном усложнении структур – фонологических, морфологических, лексических, синтаксических, прагматических (дискурсивных), социокультурных – и их взаимодействии;

3) *принцип (само)подобия (фрактальности)*: языковые концепты приблизительно подобны другим природным формам и процессам и самим себе вне зависимости от масштабов времени и пространства;

4) *принцип многомерности*: языковые концепты – сложные многомерные системы, включающие, помимо информационных параметров (значения, смысла, содержания), энергетические, вещественные и пространственно-временные (масштабы дискурса, жизни индивидов, групп, обществ, наций, человека как биологического вида).;

5) *принцип динамичности*: языковые концепты обладают свойством динамичности, что проявляется в изменении их структурно-функциональной организации во времени под воздействием внутренних и внешних факторов. За этой формулировкой стоит имманентная способность лингвокогнитивных структур к саморазвитию. Их жизненный путь – это череда сменяющих друг друга событий, когда периоды плавной поступательной адаптации сменяются быстрыми скачкообразными переходами к новому качеству. Языковая динамика рождается из сложного диалектического взаимодействия дискурсивной

среды и системы, целого и части, порядка и хаоса, равновесности и неравновесности и т. д.

В перечисленных выше принципах интегрированы традиционные идеи исторической, структурной, прагматической и когнитивной парадигм языкознания (системность языка, его изменчивость, изоморфность, коммуникативная функциональность, когнитивная природа и др.), которые в когнитивно-синергетическом свете получают либо частично иную интерпретацию путем внесения уточнений и смещения акцентов, либо развитие.

Литература

1. Бронник Л.В. Динамическая сложность концепта в дискурсе: когнитивно-синергетический подход. Краснодар, 2010.

Интертекстуальность как одна из доминант транскультурного художественного пространства (на примере якутской русскоязычной поэзии)

Ж.В. Бурцева

г. Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

Проблема диалога культур и межтекстовых связей давно интересует литературоведов и до сих пор остается актуальной. Решающая роль в представлении о подвижности и открытости границ текста для взаимодействия с другими текстами принадлежит концепции интертекстуальности. Часть исследователей расценивает интертекстуальность как определенный литературный прием, а в широком смысле она воспринимается как онтологическое свойство любого текста. Проследим некоторые интертекстуальные элементы в составе художественного произведения.

– Заглавия, отсылающие к другому произведению. Заглавие как первый знак произведения активизирует читательское восприятие. Например, к творчеству Е. Баратынского направляет одноименное стихотворение якутского поэта А. Михайлова «Истина». Проблема поиска истины сводится к сущности самой поэзии, восходит к универсалиям мировой культуры, и вместе с тем, в той или иной историко-культурной среде она находит свое неповторимое символическое выражение благодаря разному этнокультурному материалу. Интертекстуальный элемент выявляется в заглавии стихотворения «Зона «С» Айсена Дойду, которое создает ассоциативные образные параллели с названием книги С. Довлатова «Зона» или пьесы Л. Петрушевской «Мужская зона». Зона как метафора наделена обобщающим культурологическим значением, ее употребление в стихотворении усиливает смысловую подвижность текста.

– Цитаты (эксплицитные и имплицитные, то есть скрытые; с атрибуцией и без атрибуции) внутри текста; аллюзии и реминисценции. В упомянутом стихотворении «Истина» А. Михайлова мы наблюдаем слияние мотивов и тем, восходящих к разным культурным традициям, имеющих разную стилистическую окраску. Интертекстуальный комплекс, связанный с преобразованием цитаты из классической литературной традиции и образа мудрого старика-якута Сэмэккэ из устного народного творчества, с одной стороны, включает культурные знаки породивших их художественных систем, с другой – обретает индивидуально авторское звучание, расширяет перспективу и экспрессию изображаемого.

– Эпиграфы; интерпретация, пародирование, пересказ «текста-предшественника». Эпиграфом к стихотворению «Новая Якутия» С. Осипова служит отрывок из творчества А. Фета, служащий созданию интертекстуального диалогического пространства: «В сыртах не встретишь Геликона,/ На льдинах лавр не расцветет,/ У чукчей нет Анакреона,/ К зырянам Тютчев не придет». Интертекстуальная отсылка к цитате из творчества А. Фета выступает в роли текстообра-

зующего фактора, так как новый текст С. Осипова строится как интерпретация, переосмысление претекста: «Фету приветно без северных лавров,/ Тютчеву лирно в полярной ночи./Ныне в Зырянке нет разве что мавров,/Прочие в онучах носят харчи». Ассимиляция этого чужого культурного кода вносит элемент полемики, рождает ассоциативное поле, соотнесенное с образом «новой Якутии», в которой ныне Тютчеву уже «лирно». На первый взгляд стихотворение рисует маленькую пародийную экспозицию в духе интернационализма. Как гипербола и игровой прием неожиданно включается в северную тематику иррациональная «инаковость», создающая своеобразный каламбур: «Чукча и нучча, трава анекдоты,/Перемежаются в дружной семье,/Часом объявятся и анаконды, /И баобабы в надбавачной тьме». Однако этот чуждый для севера элемент природы тропиков расширяет границы контекста, ассоциативное восприятие читателя. В результате могут возникать новые смысловые интенции, в частности, интертекстуальная связь с дискурсом мультикультурализма. Как известно, современную модель развития культуры часто характеризуют модификацией и обратной логикой той же самой цитаты: у чукчей есть свои Анакреоны, а у зырян – свои Тютчевы. В этом смысле культурный код: «у чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет» воспринимается как знак минувшего, а импортированный и воображаемый опыт природы тропиков может описываться лучше, чем снег, падающий на землю.

– «Отклик» на уже существующее литературное произведение. Например, стихотворение «Мастер» А. Дойду моделирует коммуникативный аспект его прочтения, поскольку возникло как «отклик» на произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Оно обретает необходимую смысловую полноту только путем взаимодействия с другим текстом. Структурно-графическая форма стихотворения напоминает рисунок креста, что реализует признаки не только интертекстуальности, но и интермедиальности.

Литература

1. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

В современном русском языке вследствие активно действующей тенденции к аналитизму наблюдаются качественные преобразования грамматической системы. На словообразовательном уровне языка аналитизм проявляется не только как агглютинативная техника соединения морфем, но и как повторная реализация словообразовательной модели [1]. Данный механизм затрагивает прежде всего семантическую структуру деривата, для экспликации которой, в свою очередь, требуется широкий контекст. Немаловажную роль также играет и то, что производное слово является особым способом представления языкового знания, в котором ведущую роль играют пропозиционные структуры и их свертывание. Специфика взаимодействия формального и семантического компонентов производного слова в свете действующей тенденции к аналитизму позволяет раскрыть сущность повторной реализации словообразовательных моделей: *чеченец* ('житель Чечни') ← *Чечня* + *-ец* и *чеченец* ('российский воин, принимавший участие в боевых действиях в Чечне') ← *Чечня* + *-ец*. Сравним семантический потенциал дериватов *альтернативщик*: 1. Военнослужащий, проходящий альтернативную гражданскую службу взамен военной. 2. Представитель альтернативного направления в искусстве (кино, музыке). 3. Альтернативный кандидат на какой-либо пост, на какую-либо должность; *бюджетник*: 1. Работник организации или учреждения, находящихся на бюджетном государственном финансировании. 2. Студент, учащийся среднего специального учреждения, получающие знания за счет бюджетного финансирования и т.д.

Очевидно, что подобные слова образованы по одной и той же словообразовательной модели, имеют одну мотивирующую базу, однако новое значение и исходное не связаны отношениями мотивированности, семантиче-

ской выводимости, как в случаях внутрисловной деривации. Всякое мотивированное значение, возникшее в результате «внесловной» деривации, обладает двучленной структурой: оно состоит из двух частей – мотивирующей основы и словообразовательного форманта, который служит выражению нового значения у деривата по сравнению с мотивировавшим его словом.

Указанный механизм служит ярким проявлением взаимодействия морфемной и семантической деривации, поскольку значение деривата обусловлено семантическим потенциалом производящего слова, образование нового слова происходит посредством присоединения формальных языковых средств. Количество таких значений регулируется лишь смысловым потенциалом производящей основы. Иными словами, все значения определяются скрытыми пропозициональными элементами, представленными в семантической структуре деривата. Для выявления того или иного значения необходим широкий контекст, выявляющий все смысловые связи и отношения слов, образованных как вторичные дериваты. Сравним: *автобус был полон льготников* (*льготник* – ‘пассажир, имеющий право на льготный проезд’), *школам выделили деньги на питание льготников* (*льготник* – ‘ученик, имеющий право на льготное питание’).

Обязательное наличие контекста позволяет причислить данные дериваты к контекстообусловленным формам, появление и активизация которых в русском языке сопряжены с тенденцией к аналитизму. Тем самым не только подтверждается принципиальный тезис об изоморфизме семантической и структурной оболочек производного слова, но и то что в результате действия тенденции к аналитизму антиномия «код – текст» разрешается в пользу последнего. Кроме того, появление семантических дериватов позволяет говорить об экономии языковых средств на уровне формального (морфологического) словообразования.

Литература

1. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М., 2008.

Современная литература США: новые аспекты регионализма

С.В. Гречишкина

г. Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Сегодня с уверенностью можно заявить, что процессам глобализации сопутствуют процессы с противоположным вектором направления, а именно процессы децентрализации и регионализации. В этих условиях некоторые исследователи говорят о необходимости выработки глобальной экологической этики и изменения политического и экономического устройства мира [1]. Не последнюю роль в воспитании экологической культуры, продвижении экологической этики в жизнь играет литература о природе. Авторы произведений, в которых особое внимание уделяется функционированию системы человек – природа, иначе стали определять взаимоотношения человека и места его проживания, происходит пересмотр культурной составляющей региональной идентичности, что позволяет нам рассматривать регионализм в литературе в новом ракурсе.

Регионализм в литературе США – явление не новое, однако приобретающее в настоящее время новые черты. Еще в конце XIX в. многие американские писатели и читатели стали проявлять повышенный интерес к региональной, местной окраске литературных произведений [2]. По утверждению профессора Сьюзен К. Харрис, литературные критики традиционно выделяли четыре основных региона США: Новая Англия, Средний Запад, Старый Юг и Калифорния [3]. К региональным писателям обычно относят Марка Твена, Мэри Остин, Ф. Брет Гарта, Джона Стейнбека, Синклера Льюиса и др.

Как отмечают исследователи, новая волна интереса к региональному письму начала возникать в последние десятилетия XX в., что было обусловлено изменениями в политической, экономической и социально-культурной сферах жизни страны, процессами децентрализации [4]. Нью-Йорк уже не является тем центром художественной жизни, каким он был ранее, появились

мощные творческие объединения в других городах. Процессы децентрализации, усиливающиеся применением современных компьютерных технологий, породили желание вернуться к традиционным культурным истокам. Одним из основных таких истоков является отношение человека к земле, природе.

В ответ на повышенный интерес читателей и писателей к литературе, в которой особое внимание уделяется взаимоотношениям человека и природы (литературе о природе) возникла экокритика, основные принципы которой определены в работах Черил Глотфелти, Скотта Словика и Лоуренса Бьюэлла. В 1992 г. в США была создана Ассоциация по изучению литературы и окружающей среды (The Association for the Study of Literature and Environment), в рамках которой в настоящее время и производятся самые значительные исследования.

Философской основой для исследований экокритиков, а также источником идей для создания литературных произведений служит экофилософия, которая объединяет такие течения как глубинная экология, экофеминизм и ряд других. Одним из самых популярных течений экофилософии является биорегионализм, который признает важность духовных и социальных практик, обеспечивающих тесные связи культуры и ее среды [5]. Под биорегионом подразумевается территориальная единица, границы которой определяются природными факторами. Внутри этого региона возникает уникальная культура, подразумевающая гармоничные взаимоотношения человека и природы [6]. Данная культура строится на принципах мировоззрения американских индейцев, для которых всегда очень важна была связь с определенным местом проживания. Обращение к культурному наследию коренного населения страны характерно и для региональных писателей.

В 2010 г. профессор Майкл Бранч, автор книги «Reading the Roots: American Nature Writing before Walden», разработал курс по литературе «Биорегионализм и Западноамериканская литература», в рамках которого рассматрива-

ются произведения Барри Лопеса, Мэри Остин, Гари Снайдера, Линды Хоган, Рика Басса и некоторых других писателей.

Литература

1. Evanoff R. Bioregionalism and Global Ethics: A Transactional Approach to Achieving Ecological Sustainability, Social Justice, and Human Well-being (Studies in Philosophy). New York, 2011.
2. Gray R. A History of American Literature. Blackwell Publishers Ltd., 2004.
3. Harris S.K. American Regionalism / A Companion to American Literature and Culture / ed. by Paul Lauter Blackwell Publishing Ltd. 2010.
4. Van Spanckeren K. Outline of American Literature. U.S. Information Agency, 2006.
5. Рагулина М.В. Биорегионализм – англо-американская версия синтеза науки и экологического движения // Юг России: экология, развитие. 2007. № 1.
6. Thayer Robert. L. Life Place: Bioregional Thought and Practice. University of California Press, 2003.

**Концепты «семья», «работа», «самостоятельность», «сдержанность»
как источники формирования ценностной картины мира англичан**

А.В. Григорян

*г. Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского*

В настоящее время проблемами семьи занимаются многие науки, и каждая из них определяет те или иные стороны ее развития и функционирования в

соответствии со своим предметом [1]. Однако сейчас семья становится объектом исследования не только в социологии, психологии, педагогике, культурологии, но и в лингвистике.

В рамках лингвокультурологического исследования актуальным представляется рассмотрение ценностной картины мира в английской семье, которая традиционно описывалась как «...неприкосновенность частной жизни, возведение домашнего очага, приверженность традициям и обычаям, недемонстративность, практичность, рационализм» [2]. Семейные ценности нужно не только изучать, но и «...привлечь внимание коллективного сознания общества к культуре семейных отношений, чтобы, придав современной семье динамику развития, избежать возникновения новых социальных проблем» [там же].

Методологическую базу нашего исследования составили работы Д. Вико, П. Гольбаха, Ж. Ламетри, К. Гельвеция, В. Гумбольдта, И. Гердера, Ф. Боаса, Б. Малиновского, В.И. Карасика, В.Н. Телия, В.А. Масловой, А.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.В. Воробьева.

Проблема семьи всегда волновала и выражалась в творчестве многих писателей. Наибольший интерес для нас представляют романы Ч. Диккенса «Домби и сын» (1848) и Д. Доусон «Сорока» (1999). Рассмотрение этих двух произведений, относящихся к разным эпохам, демонстрирует изменчивость семейных ценностей в английской культуре.

В Великобритании, в течение многих веков, ценность семьи практически оставалась ценностью всей нации. Однако за последнее время концепт «*семья*» значительно видоизменился. Проведенное в 2011 г. официальное исследование показало, что сегодня можно встретить не так много английских семей, где муж работает, а жена воспитывает дома детей (10% семей в Британии) [3]. Поэтому сложившаяся ситуация затрагивает и другую сферу деятельности – работу.

Самостоятельность является отличительной чертой англичан. Родители с

раннего возраста приучают детей к самостоятельности. Однако «современные англичанки очень независимы и сдержаны» [4]. По официальным данным за 2010–2011 гг. многие англичанки создают семью после тридцати лет и даже иногда к сорока годам.

Характерной особенностью англичан является их сдержанность. Концепт «сдержанность» является базовым для английского общества так как в процессе воспитания родители стараются научить своих детей не вмешиваться в чужие проблемы и контролировать свое поведение в любой ситуации.

Концепты «семья», «работа», «самостоятельность», «сдержанность» являются базовыми в формировании ценностной картины мира английской семьи, так как именно в семье закладываются не только такие качества характера как самостоятельность и сдержанность, но и формируется отношение ребенка к работе и деньгам.

Литература

1. Крившенко Л.П. Педагогика. М., 2006.
2. Кваскова Е.В. Традиционная английская семья как феномен культуры // Дис. канд. философ. наук. Саранск, 2003. / URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/275290.html> (дата обращения 05.05.2011).
3. Семья по-британски. Персональный сайт: [сайт]. URL: <http://dguminsk.ucoz.ru/index/0-13> (дата обращения: 01.05.2011).
4. Знакомства с англичанами. Международные знакомства: [сайт]. URL: <http://www.loversplanet.ru/date-england.php> (дата обращения: 14.07.2011).

Адъективная метонимия в художественном дискурсе

(на материале творчества М.И. Цветаевой)

С.А. Губанов

г. Самара, Международный институт рынка

В науке метонимия признака получила различные наименования: метонимия признака, смещенное определение, контекстуальная метонимия и именная предикация, отраженная метонимия, динамическая метонимия, дискурсивная метонимия, адъективная метонимия.

О.В. Раевская характеризует дискурсивную метонимию так: «Дискурсивная метонимия, в отличие от лексической, или лексикализованной, реализуется только в рамках текста и вне его не существует». Исследователь проводит мысль о том, что феномен дискурсивной метонимии проявляет себя не только на уровне слов, но и на уровне словосочетаний и предложений [1].

Смещенное определение является согласованным определением, выражено прилагательным и причастием. Это сокращенный вариант многословного словосочетания («бездетный налог» – «налог на бездетных»).

Нестандартное, неожиданное соединение компонентов дискурсивного метонимического словосочетания создает экспрессивность. В отличие от атрибутивного словосочетания с узуальным метонимическим значением прилагательного, дискурсивная метонимия, по мнению автора, вне контекста непонятна. Внеконтекстная связь возможна лишь в том случае, если смысловые отношения компонентов словосочетания непосредственно отражают какие-либо предметно-логические связи в мире. Например, словосочетание *потный страх*, в котором определяемое имя обозначает причину, а прилагательное – следствие (пот может быть одним из возможных физиологических проявлений в этом состоянии).

Метонимический перенос прилагательного, смещение эпитета в составе эпифразы наблюдается в цветаевских текстах очень регулярно и последова-

тельно. Нашей задачей является не анализ всего массива переносных определений в текстах М.Цветаевой, а рассмотрение наиболее продуктивных групп эпитетов образного типа. На поверхностном уровне, при «первом взгляде» на такого рода переносы, может показаться, что перед нами метафорические эпитеты в чистом виде.

В творчестве М. Цветаевой наблюдается продуктивное употребление адъективной метонимии прилагательного конверсивного типа. Экспансия признака на смежный объект, который потенциально имеет возможность выступать в качестве носителя этого признака, является отличительной чертой лирического творчества М. Цветаевой. Рассмотрим основные типы метонимии признака в творчестве поэта. **Конверсивная метонимия прилагательного** предполагает такой метонимический перенос признака, при котором происходит объединение двух полярных или взаимодополняющих признака. Полярность и антиномичность построения цветаевской эпифразы воплощается в столкновении контрастных прилагательных. Мы сосредоточимся на переносном эпитете, где признаки совмещаются на основании смежного понимания как объектов, к которым эти свойства относятся, так и признаки, понятые как проявление функционирование этих объектов.

В цветаевских текстах зафиксирована большая регулярность переносов индикативного типа. Приведем примеры, иллюстрирующие этот перенос: ***Неразгаданный** взгляд...; И синий взгляд, пронзителен и робок; Юный ли взгляд мой тяжел?; Не тот же бесстрастный, оценивающий, любопытствующий взгляд; Не правда ли? - Лгнущий, мнущий // Взгляд; Взор твой черный, взор твой зоркий; Сумрак ночей и улыбку зари // Дай отразить в успокоенном взоре; За их взгляд, изумленный насмерть, // Извиняющийся в болезни, // Как в банкротстве...; Сонный вперила взгляд.*

Особенностью данных переносов прилагательного является приписывание части человеческого тела или связанного с ним метонимически, по функции, проявления поведения или жизнедеятельности человека эмоционального со-

стояния. Видеть в данных выражениях только импликацию смежных признаков представляется недостаточным. Перед нами сложный образ, который в текстах М.Цветаевой приобретает тенденцию повторяться в рамках различных концептов поля «человек». Это связано в первую очередь с осмыслением человека во всех его проявлениях как единого организма, отдельные части которого тесно связаны друг с другом. Помимо функциональной смежности признаков, относящихся к единому объекту «человек», необходимо указать и на присутствие локативного механизма осмысления этих признаков.

Литература

1. Раевская О.В. Дискурсивная метонимия прилагательных // Филологические науки. 2001. №4.

К вопросу об эволюции аллитерации в английском стихосложении

А.И. Дашевская

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Сделана попытка приблизиться к пониманию причины возрождения интереса к аллитерации в английском языке XIV, XX и XXI вв. По определению М.Л Гаспарова, аллитерация представляет собой регулярное повторение начальных согласных звуков слова или начальных групп согласных (например, st, sk) [1]. Аллитерация характерна для древнегерманского тонического стиха IX-XI вв. [1], поскольку для германских языков было характерно сильное ударение на начальном слоге.

Аллитерация была основным организующим принципом древнеанглийского (VII-XI вв.) стихосложения [2]. Наиболее известным поэтическим памятником этого периода является эпическая поэма «Беовульф». Впоследствии аллитерация начинает постепенно уступать место рифмованному сил-

лаботоническому стиху, что произошло во многом благодаря влиянию средневековой романской поэзии. Начало этого перехода в Англии совпало с началом среднеанглийского периода (XII в.), а окончательно рифмованный стих утвердился в английском стихосложении к концу XIV в.

Интерес к аллитерации неоднократно возрождался. Аллитерационным стихом написана аллегорическая поэма У.Лэнгленда «Видение Петра Пахаря» (1362-1393) (*A Deop Dale bi-neoþe A dungun þer-Inne...*) [3], анонимный роман в стихах «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» и некоторые другие поэтические произведения того же периода. Представляется, что Лэнгленд в своей нравоучительной поэме обратился к аллитерации, так как стремился придать своему произведению основательность и убедительность, а аллитерация была утвердившимся в языковом сознании способом организации поэтического текста; кроме того, аллитерация позволяла создать архитектонику текста, отвечавшую замыслу автора.

Возрождение интереса к аллитерации отмечается в XX и XXI вв. Аллитерацией широко пользуется Дж.Р.Р.Толкиен в романе «Властелин колец», стремясь создать образы, подобные средневековым. Цитируемый отрывок должен производить впечатление архаичного, поэтому он облечен в поэтическую форму, которая, по мнению некоторых исследователей [4], являлась доминирующей формой языкового выражения в древности и Средневековье (*Learn now the lore of Living Creatures!..*) [5]. Еще одним примером использования аллитерации в современном английском языке может быть роман Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер». Автор романа стремится придать созданному ей миру магов облик, подобный средневековому. Поэтому аллитерация встречается в названиях многих глав эпопеи (*Detention with Dolores, Hermione's Helping Hand* и др.), в названиях придуманных автором магических книг и научных трудов: *Transfiguration Today, Healer's Helpmate, Spellman's Syllabary* и т.д. Аллитерацией с целью эмпазы широко пользуются и авторы современных публицистических статей.

Аллитерация, перестав быть основным способом организации стиха, тем не менее, широко применяется в среднеанглийском и новоанглийском языке для сообщения коммуникативного задания авторов (архаизация текста, эмфаза, ностальгический эффект «золотого века»).

Литература

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
2. Иванова И.П. и др. История английского языка. СПб., 1999.
3. Corpus of Middle English prose and verse, University of Michigan / <http://quod.lib.umich.edu>
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 2008.
5. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. The Two Towers. HarperCollins, 1993.

Национальная специфика канадского анималистического рассказа

Е.А. Дивакова

г. Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Канадская литература на протяжении своей истории развивается относительно концепции национального самоопределения, что обуславливает актуальнейшую проблему литературоведения страны – проблему национальной специфики литературы [1].

Анималистический рассказ конца XIX–начала XX в. стал тем жанром, который позволил канадским писателям выразить посредством своего творчества особенности национального восприятия окружающего мира и внести в область анималистики новый подход к изображению животных в литературе. Отечественные (Н. Овчаренко, А. Голышева, О. Федосюк и др.) и зарубеж-

ные (М. Этвуд, Т. Маклюлич, А. Лукас, П. Морли и др.) литературоведы и критики подчеркивают важность анималистического рассказа в становлении национальной литературы.

В процессе самопознания писатели обращаются к теме природы канадского региона, неотъемлемой частью которого является мир животных. Интересна позиция некоторых канадских литературных критиков – как проявляется национальное звучание в анималистических рассказах. Джеймс Полк и Маргарет Этвуд видят в анималистических произведениях выражение национального аспекта в аллегорическом изображении взаимоотношений Канады и США, где США выступает в роли охотника, а Канада занимает позицию того, на кого ведется охота, то есть животных [2]. Таким образом, животные представляют позицию Канады как «жертвы» по отношению к оказывающим на нее влияние США.

Не все отечественные и зарубежные литературоведы разделяют предложенную позицию. Джон Сэндлос считает, что обращение к этому жанру было естественным в связи с развитием реалистического направления в научной и философской мысли в Канаде на рубеже XIX–XX вв. В то время обсуждались вопросы о влиянии инстинктов и разума на поведение животных, о степени родства между животными и человеком, о вероятном наличии у животных морального начала [2]. Представляя собой гибридную форму литературного произведения, находящуюся на стыке научной и художественной прозы, канадский анималистический рассказ отразил тенденции общественной мысли того периода. Такой синкретизм стал характерной чертой канадского анималистического рассказа.

Канадские писатели-анималисты внесли в литературную традицию новый подход к позиционированию диких животных в рассказе. Животные представляли интерес сами по себе, независимо от их отношения к человеку. Главным стало изображение животных как субъектов, обладающих нравственными ценностями, главной среди которых выступает свобода [3].

Одной из особенностей, раскрывающих национальную специфику канадского анималистического рассказа, является соединение в произведениях природного и аборигенного начал. Обращение к философии коренных жителей, проповедующих гармоничное сосуществование с природной стихией, выражает стремление писателей-анималистов к постижению культурного наследия региона, осознание национальных истоков через призму научных и духовных достижений современного им общества. Таким образом, являясь одним из магистральных направлений в канадской прозе, анималистический рассказ подчеркивает своеобразие канадского региона и раскрывает специфику национального мировосприятия канадцев.

Литература

1. Гольщева А.И. Англоязычная литература Канады. М., 1979.
2. Sandlos J. From Within Fur and Feathers: Animals in Canadian Literature. *Topia: A Canadian Journal of Cultural Studies* 4 (2000): 73-91. Web. 26 Oct. 2009.
3. Белогурова С.П. Анимализм как культурологический и художественный феномен в общественной мысли рубежа XIX-XX вв // Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. культурологии. М., 2011.

Историко-литературный обзор прозы североамериканских индейцев

XX – XXI веков

И.Н. Егорова

г. Москва, Московский государственный областной университет

На рубеже веков человечество неизбежно сталкивается с проблемой подведения итогов минувшей эпохи. Именно вторая половина XX в. ознаменовалась в мировой культурной практике подъемом национального самосознания этниче-

ских меньшинств. Наиболее ярко этот процесс прослеживается на примере американской литературы, в которой наглядно отражаются приметы перехода от концепции «плавильного котла» к качественно новой формуле «радужной коалиции» или «великолепной мозаики». Данное исследование посвящено проблеме формирования этнических канонов в художественных текстах современных писателей-индейцев. Его актуальность обусловлена тем, что в настоящее время духовная и материальная культура аборигенного населения США находятся на стадии возрождения, и их состояние на текущем этапе требует особого внимания со стороны ученых. В отечественной американистике большая часть литературы коренных американцев по-прежнему остается неосвещенной.

Анализируя особенности коренной литературы США XX-XXI вв., важно прежде всего обратить внимание, что их произведения представляют практически все многообразие поэтических решений. В первую очередь, это автобиографии Ч. Истмэна, Ф. Ла Флеше, Стоящего Медведя и Зиткала Ша, в которых первые индейцы, воспитанные в европейской традиции, делятся своим опытом с читателем. В них обнаруживается не только богатая информация о культуре и традициях коренных американцев, но и философские размышления писателей. Не менее подробно антропология и этнокультурная история индейских племен отражены в художественных текстах Э. С. Делории, Д. МакНикла, Дж.Дж. Метьюза.

В системе жанров, составляющих индейскую литературу данного периода, особое место выделяется детективам, коротким рассказам и драматическим произведениям. Единым лейтмотивом для большинства из них служит вопрос о поиске индейцами своего места в племени и за его пределами. Проблема двойного самосознания обусловлена борьбой коренных жителей за собственное «я» на стыке двух противоречивых культур.

Важным звеном в развитии и эволюции литературы коренных жителей США является жанр короткого рассказа. Один из наиболее ранних сборников Е. Полин Джонсон «Мастер мокасин» (“The Moccasin Maker”, 1913) содер-

жит сентиментальные, но чрезвычайно яркие истории индейских и канадских женщин. В 1989 г., исследователь североамериканской литературы Бернд Пейер публикует «Поющий дух» – коллекцию коротких рассказов начала столетия. В нем представлены тексты Сюзетт и Френсиса Ла Флеше (омаха), Анджелы Де Кора (виннебаго), Уильяма Джонса (оджибей), Чарльза Истмена, Джона Оскисона, Джона Дж. Метьюза, Д'Арси МакНикла и других писателей (“The Singing Spirit”).

Говоря о более поздних произведениях, важно отметить, что их сюжетная канва и проблематика выходят за пределы отчужденности и культурного противостояния, их авторы начинают рассматривать коренного американца, как уникального представителя двух миров. Конфликт «Пути к горе дождей» Н.С. Момадэя, «Зимы в крови» Джеймса Уэлча (“Winter in the Blood”, 1974), «Приворотного зелья» (“Love Medicine”, 1984) Луизы Эрдрик, «Авантюристов» (“Chancers”, 2000) Джеральда Вайзенора шире, чем столкновение культур. Писатели используют постмодернистскую тенденцию воссоздавать целостную картину жизни современных им индейцев при помощи юмора, иронии, экспериментами со временем и пространством. Знаменательно, что особой символической нагрузкой наделяются слова, произнесенные вслух, и силы природы, как средство врачевания душ.

Середину XX в. принято считать переломным моментом в истории аборигенной культуры, во многом благодаря интернациональному признанию романа «Дом, из рассвета сотворенный» Н.С. Момадэя. Современные ему писатели-индейцы – Дж. Уэлч, Ш. Алекси, Дж. Вайзенор – вслед за Момадэем вовлекают читателя в диалог о проблемах и тенденциях, волнующих их соплеменников на рубеже веков; они отказываются от констатации отчужденности своего народа в пользу восприятия коренных американцев, как носителей двух параллельных культур. Женская тема продолжает волновать коренных американок, что находит свое прямое отражение в их текстах. Л. Мармон Силко, Л. Эрдрик, Д. Чавес и Л. Хоган создают живые образы героинь сме-

шанного происхождения, их судьба на страницах литературных произведений напрямую зависит от того, какой образ жизни они выбирают, отказываются ли они от наследия предков или бережно хранят в своей душе для последующих поколений.

Литература

1. Brumble H.D. American Indian Autobiography. Lincoln, NE: University of Nebraska press, 2008.
2. Stringer J. Oxford Companion to Twentieth-Century Literature in English. New York: Oxford University Press, 2004.
3. Anderson E.G. American Indian Literature and the Southwest. Austin, TX: University of Texas Press, 1999.
4. Turner F.W. The Portable North American Indian Reader. New York: The Viking Press, 1973.
5. Wiget A. Dictionary of Native American Literature. New York: Garland Publishing, 1994.
6. Astrov M. A Book Ignites an Indian Uprising // Time. May 5, 1980.

Популярная психологическая литература для подростков как способ формирования гендерных стереотипов

Е.А. Каркищенко

*г. Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

Несмотря на значительный срок своего существования популярная психологическая литература для подростков (ППЛ) почти не вызывала интереса у ученых. Однако именно эта литература является одним из существенных каналов трансляции актуальных стереотипов поведения, поскольку она изначально гендерно дифференцирована. Результаты опросов детей от 11 до 18 лет подтвердили гипотезу, что современные подростки часто обращаются к

подобной литературе как к источнику априорной информации о нормах гендерного поведения в нашей культуре.

В своих названиях книги подобного рода претендуют на то, чтобы быть сводом априорных научных и бытовых знаний, которыми необходимо овладеть каждому мальчику или девочке для успешной социализации («Современная энциклопедия для девочек», «Как стать настоящим мужчиной»). Следовательно, проблема подробного анализа популярной психологической литературы для подростков является актуальной, важной и ранее не освещенной в большинстве научных сфер.

Нами был проведен текстологический анализ ППЛ для мальчиков и девочек, подтвердивший, что в ней закладываются базовые гендерные паттерны, активно функционирующие в русском культурном пространстве. Мальчиков подталкивают к идеалу мужественности, характеристиками которого являются физическая сила, обладание техническим складом ума, позиционирование себя как лидера в коллективе. Девочкам навязывают идеал женственности, который включает чувственность, обладание привлекательной внешностью, повышенный интерес к противоположному полу. В сфере социума девочку учат спокойно относиться к практически априорной невозможности достижения доминирующей позиции в коллективе.

Текстологический анализ ППЛ показал, что язык энциклопедий можно назвать гендерно дифференцированным. В текстах широко используются приемы языкового манипулирования, причем гораздо активнее эти приемы используются в литературе для девочек, что может свидетельствовать о наличии явного или скрытого давления на феминную аудиторию.

Частично текстологический анализ подтвердил выдвинутую нами гипотезу о том что образы идеального маскулинного и феминного поведения, представленные в книгах, ориентированных на аудиторию разных полов, вступают в явное несоответствие друг с другом. В ходе исследования нами было доказано, что образ идеального маскулинного поведения, представленный в

энциклопедиях для девочек, не совпадает с теми поведенческими стереотипами, которые закладываются в качестве базиса читателям книг для мальчиков. В то же время в книгах для мальчиков образ идеального феминного поведения не рисуется вообще.

Таким образом, по результатам исследования мы сделали вывод, что ППЛ для мальчиков не предоставляет читателям возможности составить идеал женщины и рисует перспективу построения отношений в негативной форме, что может привести к отсутствию положительных ожиданий от отношений с девушками. Энциклопедии для девочек, напротив, закладывают базовое восприятие феноменов мужественности и женственности и учат правилам поведения, способным ускорить и облегчить процесс построения межполовых взаимоотношений, позиционируя успешную реализацию в этой сфере как основную цель любой женщины. Основные характеристики мужественности, описанные в книгах для девочек, не были освещены в книгах для мальчиков, что затрудняет женские поиски воспитанного в них на уровне ППЛ идеала мужчины.

Литература

1. Волчѣк М.М. Современная энциклопедия для девочек. Минск, 1998.
2. Сурженко Л.А. Новая энциклопедия для мальчиков. М., 2006.

Дефиниционные характеристики концепта «благодарность» в калмыцкой, английской и русской лингвокультурах

Н.А. Катаева

г. Элиста, Калмыцкий государственный университет

Благодарность как одна из важнейших категорий жизни общества, отражаемая в речевом этикете, относится к ключевым концептам. В настоящей работе приводятся основные результаты лексико-семантического анализа дефи-

ний слов, именующих концепт «благодарность» в калмыцкой, английской и русской лингвокультурах.

В калмыцком языке благодарность обозначается следующими словами: *ханлт*, *ханмжэ*, *ач* и *байсхлң*. Однако часто употребляемые в современном калмыцком языке *ханлт* и *ханмжэ* первоначально имеют значение удовлетворения, так как при помощи *ханх* (от монгольского *ханах* – быть удовлетворенным) издревле передавали физическое получение удовлетворения [1]. Первое значение эквивалента *ач* – племянник, внук, а второе – заслуга, воздаяние, благодеяние, милость; *байсхлң* – в первом значении передает радость, веселье, во втором – благодарность [2].

В прежние времена в калмыцком языке не было единого обозначения рассматриваемого концепта, а благодарность выражалась йорялами – краткими словами благопожеланий: *Ут наста бол!* – Проживи много лет! *Амнчн тоста болтха!* – Пусть твой рот будет в масле! В настоящее же время о благодарности уведомляют одним словом *ханжэсанав(идн)*, которое не одобряют многие ведущие калмыковеды, так как интерпретируется как получение удовлетворения, насыщения. А в качестве эквивалента русскому *спасибо* предлагается употреблять *байрлжэсанав(идн)*, то есть рад, что соответствует монгольскому *баярлах* – спасибо.

В английском языке благодарность имеет 2 эквивалента: *gratitude* – 1) the quality, state or condition of being grateful; a warm and friendly sense of appreciation of kindness, involving a feeling of goodwill and a desire to do something in return; 2) favor, gift, grace; 4) a free gift, gratuity, reward и *thank* – 1) kindly or grateful thoughts or feelings, good will; 2) worthiness to be thanked; 3. a) an expression of gratitude; b) an expression of gratitude to God in the form of a prayer before or after a meal [3; 4].

Словарь Crabb's English Synonyms приводит разницу между *thank* – внешнее проявление чувства и *gratitude* – само чувство благодарности [5]. Кроме того, для выражения благодарности англичане также используют понятия *ар-*

preciation, obligation, indebtedness, acknowledgement. Можно говорить о некоторой последовательности переживания рассматриваемого концепта: сначала мы признаем оказанную услугу (*acknowledgement*), затем оцениваем (*appreciation*), чувствуем разную степень обязанности (*obligation/indebtedness*), отвечаем словами (*thanks*) или действием (*gratitude*).

В русской лингвокультуре понятийной характеристикой исследуемого концепта является прежде всего слово *благодарность* – 1) чувство признательности, желание воздать за одолжение, услугу, благодеяние; 2) самое исполнение на деле; 3) слова, выражающие чувство признательности; 4) официальное выражение высокой оценки труда, действий; 5) неопределенная плата за услугу, взятка [6; 7; 8]. Толкование данного концепта в русском языке идет по двум направлениям: чувство (внутреннее) и действие (внешнее проявление).

Синонимом благодарности в русском языке выступает слово *признательность*, употребляющееся преимущественно в составе официально возвышенных формул благодарности, у которого отсутствует ответно-действенный характер. Самым распространенным знаком выражения благодарности в русском речевом этикете является *спасибо*, которое этимологически восходит к словам молитвы *спаси тебя Бог!*

Из приведенных определений выводим содержательный минимум рассматриваемого концепта *в калмыцком языке*: 1) благодеяние, заслуга, 2) радость восторг, 3) удовлетворение, 4) выражение радости, желание добра, 5) ответный поступок; *в английском*: 1) услуга, 2) добрая мысль, 3) чувство и состояние благодарности, 4) выражение благодарности, благожелательность, 5) ответное действие, 6) благодарность Богу; *в русском*: 1) чувство признательности как эмоция, 2) желание выразить это чувство, желание благ, добра; 3) слова, выражающие это чувство, 4) ответное действие.

Таким образом, сопоставительный анализ позволил выявить как сходство, так и различие актуализаторов концепта *благодарность* в трех лингвокульту-

рах: 1) во всех рассматриваемых языках имеется два общих признака – желание благ/благожелательность и ответное действие; 2) в английском и русском языках благодарность – это чувство, различие составляет неодинаковое восприятие концепта носителями разных культур: в английском – это не просто чувство/feeling, но и state, quality, condition; 3) в английском и русском языках в состав словосочетания, вербализующего исследуемый концепт, входит лексема *God/Бог*: *thank God* и *спаси Бог*; 4) в содержательный минимум калмыцкого и английского языков включен общий признак благодеяния /услуги – *ач* и *favour*.

Литература

1. Хабунова Е.Э. Ёулмт. Очаг. Фольклор и обряды жизненного цикла калмыков. Элиста, 2005.
2. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977.
3. The Oxford English Dictionary. Prepared by J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. Oxford, 1989.
4. Webster's Third New International Dictionary of the English language. INC. Chicago, 2001.
5. Crabb's English Synonyms: Arranged Alphabetically with Complete Cross References Throughout. London, 1982.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В 4 т. М., 1995.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1960.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л., 1951-1965.

Смыслообразующая функция метафорической модели

«Жизнь – книга» в текстах разных жанров

Н.В. Киреева

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

Концепт репрезентируется всеми языковыми и речевыми средствами и их комплексами, эксплицирующими определенный фрагмент действительности в его национально-культурной специфике. Первичным и элементарным знаком является слово. Однако исследователи все чаще обращаются к речевым жанрам, поскольку «жанры составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт» [1]. Жанроведческий подход к изучению позволяет увидеть концепт в совокупности с ценностными установками, выражающими «потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых создается данный жанр» [2]. Это особенно важно, когда концепт становится жанрообразующим.

Между структурой концепта и смысловой структурой текста существует взаимосвязь, проявляющаяся в том, что в процессе речевой деятельности тема высказывания разворачивается в соответствии с фреймовой структурой ключевых для данного жанра концептов. Так, метафорическая модель «жизнь – книга», входящая в семантическое пространство концепта «книга», активно участвует в смыслообразовании текстов таких речевых жанров, как «дневник писателя», «мемуары», «воспоминания» и «поздравление».

Жизнь человека, уподобленная материализованному тексту книги, структурируется в языковом сознании через соотнесенность внешней (листы, страницы, обложка и т.п.) и внутренней (текст) сторон этого ценностно окрашенного фрагмента действительности. В связи с этим «метафоризирующий фрейм *книга*» включает как минимум две линии субъектно-объектных отношений элементов входящих в него ситуаций: «некто пишет книгу» и «некто читает книгу» [3].

Образ перечитываемой / перелистываемой книги позволяет создать образ обратимости времени жизни в воспоминаниях и мемуарах: *Снова и снова*

перелистываю эти жалкие воспоминания и все допытываюсь у самого себя... (В. Набоков).

Модель «жизнь человека – книга» материализуется в речевом жанре «дневник писателя». Автор дневника одновременно прочитывает метафорическую книгу жизни и в то же время пишет материальную книгу о своей жизни, фиксируя в дневнике все происходящие события. Ощущение дневниковых записей как единой *книги жизни* отражено в дневниках М.М. Пришвина, А.А. Ахматовой, Л.Н. Толстого: *Думаю, что если очистить его [дневник] от неудач, и так бы сделать лет за десять, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин* (М.М. Пришвин).

Метафорическое представление о жизни человека как о книге реализуется в речевом жанре «поздравление», где прошлое метафорически уподобляется прочитанному тексту, который уже понят и осмыслен читателем, а будущее – это текст, который еще предстоит прочесть, при этом в поздравлениях подчеркивается, что адресатом прочитана только малая часть книги жизни и все самое интересное впереди: *«Жизнь, словно книга, раскрыта,/ Евгения, перед тобой./ Любви пожелаем визита,/ Всех благ от удачи шальной». «Жизнь словно увлекательная книга,/ В ней каждый год как новая глава.../ Пусть будет интересней с каждым мигом/ Читать лишь нужные и добрые слова!»*

Литература

1. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. Саратов, 2005.
2. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов, 2005.
3. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. Воронеж, 2003.

**Проблемы изучения концептов в национальных языковых картинах
мира (на материале концепта «Englishness» в картине мира английского
и русского народов)**

Т.Г. Кликушина

*г. Таганрог, Таганрогский государственный педагогический институт
имени А.П. Чехова*

Неповторимость каждой из национальных языковых картин мира (далее НЯКМ) проявляется лишь на фоне других таких же НЯКМ, то есть при сравнении НЯКМ разных языков. Вслед за О.А. Корниловым, мы считаем, что национальных языковых картин мира столько же, сколько языков. Каждый язык – уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной [1].

«НЯКМ – это запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово видение вкладываются понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание, а в понятие сущего – не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием» [1, с.140].

В ходе проведенного исследования, мы выявили национально-специфический концепт “Englishness”, который имея в языке лексические соответствия, образует в лексической системе английского языка пласт национально-специфической лексики. Мы придерживаемся точки зрения О.А. Корнилова и считаем, что такие концепты-реалии «в силу своей специфичности сразу получают словесное выражение, которое изначально «обречено» быть национально-языковым маркером» [1, с.147] .

Следовательно, абстрактное слово “Englishness” принадлежит к национально-специфической лексике, отражающей национальный характер и национальную ментальность англичан. Понимание таких слов затруднено не

только из-за отсутствия аналогичных понятий в родном языке, но и наоборот большим количеством «ложных друзей»: «Английскость», «Английская самобытность», «Английский национальный характер» в родном языке, что только затрудняет попытки проникнуть в суть подобных понятий. Глубокие концептуальные различия между словами такого типа и их иноязычными аналогами могут быть обнаружены и сформулированы только с привлечением всего культурного контекста и национального корпуса языка [1, с.149].

Данные лексико-семантического, концептуального и контекстуального анализов позволили выявить, что концепт «Englishness» обладает сложной структурой, представляющей собой совокупность разнообразных концептуальных признаков, характеристик, каждая из которых содержит определенную информацию о данном концепте. Доказывая различие двух национальных картин мира, мы выяснили характерные черты англичан, на базе контекстуального анализа концепта «Englishness», рассмотрели определение данного концепта в рамках его использования в различной литературе, выявили его значение, согласно результатам проведенного нами экспериментального исследования с носителями русского и английского языков. Мы считаем, что концепт «Englishness» – это совокупность характера, образа жизни и ментальности английского народа. Действительно, без помощи специальных комментариев профессиональных лингвистов, культурологов, антропологов в полном объеме владеющих НЯКМ конкретного языка, понять, проанализировать данный абстрактный концепт чрезвычайно трудно, так как даже сами носители языка трактуют его неоднозначно.

Таким образом, мы согласны с О.А. Корниловым, что постичь чужую НЯКМ – это значит встать на место человека – носителя иностранного языка, на его «точку мировосприятия», через лексическую систему получить представление о национальной ментальности и национальном характере [1, с.143].

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие. М., 2011.

**Грамматическая структура предложений в диалоге
(на примере английского языка)**

А.Н. Кудряшова

*г. Ростов-на-Дону, Педагогический институт
Южного федерального университета*

Актуальность выбранной темы – необходимость изучения структурных свойств диалогической речи. По теории диалога имеется довольно обширная литература, но до сих пор остаются недостаточно изученными его композиционно-речевые формы, отдельные семантико-синтаксические группы.

Наряду с большим разнообразием синтаксической организации предложений, свойственной диалогической речи, наиболее ярко выделяются простые и эллиптические предложения, свойственные этому виду речи. Эта гипотеза вытекает из принципа экономии языковых средств [1,45].

Синтаксические модели разговорной речи, которые обнаруживаются в диалоге можно разделить на три основные группы: 1. вопрос – ответ; 2. утверждение – вопрос; 3. утверждение – утверждение [2].

В первой группе в разговорной диалогической речи чаще всего встречаются общие и альтернативные вопросы. Когда вопросительные предложения представляют собой общий вопрос, требующий утверждения или отрицания, ответное предложение часто представляет собой повторение наиболее важных в смысловом отношении слов вопроса (с целью утверждения). Для выражения отрицательного ответа на поставленный вопрос перед повторяющимися словами вопроса ставится отрицание *not*. Наиболее часто повторяется именная часть сказуемого вопросительного предложения, выраженная прилагательным или существительным.

Так, краткие ответы на общие вопросы состоят из повторяющихся членов предложения-вопроса, которые представляются наиболее важными второму собе-

седнику. Наиболее часто повторяется именная часть сказуемого вопросительного предложения, менее часто вспомогательные глаголы и другие члены предложения.

Обычным типом ответа на альтернативный вопрос является повторение вторым собеседником одного из однородных членов вопроса, который выбирается по его усмотрению.

Так, синтаксические модели кратких ответов на специальные вопросы являются словами, словосочетаниями или придаточными предложениями, синтаксическая функция которых определяется функцией вопросительных слов. В синтаксической модели краткого ответа на вопрос к сказуемому является то, что структурным стержнем ответа на специальный вопрос является слово, представляющее собой конкретизацию общего значения *do*; при этом грамматическая форма слова, представляющего ответ на вопрос, совпадает с формой глагола *do* в вопросительном предложении.

Синтаксические модели этих уточняющих вопросов представляют собой две различные по структуре группы: вопросы, не включающие и включающие вопросительные слова. Уточняющие вопросы, не включающие вопросительные слова в структурном отношении представляют собой повторяемое слово предшествующей утвердительной реплики, группу слов или придаточное предложение, которые уточняют повторяемое слово. Структура уточняющих вопросов, включающих вопросительные слова, представляет собой повторяемое слово предшествующей реплики плюс вопросительное слово.

Диалог собеседников включает не только вопросно-ответные формы, но и следующие друг за другом утвердительные реплики, из которых вторая содержит дополнение, уточнение, а иногда и опровержение предшествующей реплики. Синтаксические модели этих дополняющих реплик имеют целый ряд структурных особенностей. Их можно разделить на три группы [2]. К первой группе относятся:

А) Реплики второго собеседника, вводимые союзами – слова или словосочетания, однородные какому-либо члену первой реплики.

Б) Реплики второго собеседника, вводимые союзами и союзными словами – предложения, придаточные по отношению к первой реплике или отдельным ее членам.

Реплики второго собеседника могут показывать определенные промежутки времени, в течение которых происходят действия, выраженные в реплике первого собеседника. Обычно эти реплики вводятся временными союзами when, while, as, till, until, after, since, as soon as.

В) Реплики второго собеседника, повторяющие слова или словосочетания первой реплики с целью подтверждения или отрицания. Реплики второго собеседника могут представлять собой повторение логически выделяемых слов первого с целью подтверждения (или отрицания), а также присоединения к мнению первого собеседника.

Литература

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.- М., 1985.
2. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979
3. Бузаров В.В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. М., 1986.

Способы языкового выражения концепта «труд» в жанре телевизионной семейной беседы

В.П. Леденева

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

Исследование концепта «труд» как аксиологической доминанты образа человека в функционально-прагматическом аспекте обеспечивает интегративность и многоаспектность изучения данного фрагмента языковой картины мира. Обозначенный подход предполагает обращение к *«относительно*

устойчивым типам высказываний» [1, с. 237], репрезентирующим знания и представления человека о трудовой деятельности.

Речевой жанр определяется как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [2, с. 8]. Речевой жанр семейной беседы, наряду с другими речевыми жанрами (сентенция, поздравление, автобиография, некролог etc.) объективирует в своем тематическом, стилистическом и композиционном единстве концепт «труд». Данный тип высказываний представлен в телевизионной развлекательной программе «Пока все дома» на Первом канале, одна из коммуникативных задач которого – пропаганда и сохранение не только семейных, но и трудовых ценностей.

Акцентуация ценностного элемента концепта «труд» происходит через аспекты актуальности и оценочности. Актуальность данного концепта подтверждается многочисленными наименованиями, объективированными в речевом пространстве трудовой деятельности человека – *работа, деятельность, дело, занятие* и т.д. В интересующем нас жанре ТСБ языковым воплощением, репрезентирующим концепт «труд», является лексема *профессия*.

Содержание лексемы «профессия» как базового компонента антропосферы репрезентируется в речевом жанре ТСБ различными способами: выражается словами *профессия, профессиональный, профессионально, профессионализм, профессионал*; а также наименованиями, образующими семантическую структуру лексемы «профессия»: *специальность, специалист, должность, квалификация*.

Профессия может выполнять роль объекта, который претерпевает над собой действие – профессию *выбирают, получают, дают, имеют, ее можно сменить и поменять*. Профессия может восприниматься как живое существо, осознаваться как вместилище: *уйти с головой в профессию, прийти в профессию, отказаться от профессии*.

Сообщая о своей профессии или рассказывая о работе родственников, участники передачи акцентируют следующие составляющие концепта

«труд»: название собственной профессии, обязанности, связанные с выполнением этой профессии; профессия, род деятельности родителей, предков; будущая профессия ребенка (детей) героя передачи; мотивация выбора профессии, прежний род деятельности героя, продолжение / не продолжение семейного дела.

Для всех выпусков передачи характерен типический сценарий: герой программы рассказывает о своем жизненном пути, объясняет, почему он выбрал эту профессию, сообщает о семье и профессии своих родителей.

Концепт «труд» объективируется наименованием *профессия*, которое актуализирует принадлежность человека к определенному виду трудовой деятельности (артист, режиссер, телеведущий и т.д.), и соответствующими смысловыми структурами (направление, подготовка, какие-то особенности, конкретная деятельность и т.д.). Особенность репрезентации концепта «труд» в ТСБ в том, что объектом внимания в передачах такого толка являются известные люди творческих профессий.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.

Отражение стереотипных представлений о мужчине и женщине в русском языковом сознании

Ю.Ю. Литвиненко

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

Последние десятилетия XX в. ознаменованы становлением и развитием гендерного направления в лингвистике. Гендер определяется как комплексная социально-психологическая категория, соотносимая со всей совокупно-

стью культурных, психологических и социальных различий, классифицируемых как мужские или женские. Лингвистику интересуют прежде языковые механизмы конструирования гендера, а также внеязыковые факторы, воздействующие на этот процесс. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, она тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [1].

Мы исследовали ассоциативные поля «Мужчина» и «Женщина», построенные нами на основе опроса. Являясь не только фрагментом вербальной памяти человека, частью системы семантических и грамматических отношений, но и фрагментом образов сознания, мотивов и оценок людей какой-либо национальности, ассоциативное поле выявляет знания, ассоциированные со словом-стимулом в конкретной национальной культуре [2]. Опрошено равное количество мужчин и женщин, всего 290 человек разного возраста (от 17 до 62 лет), пола, уровня образования, социального статуса. Испытуемым в качестве стимула предлагались слова *мужчина*, *женщина*, на которые нужно было дать одну реакцию за ограниченное время.

Результаты анализа позволяют утверждать, что в русском языковом сознании существует диада «сила – красота», отражающая стереотипное представление об основных отличительных гендерных признаках: маскулинность ассоциируется с силой, а феминность – с красотой. Семантические группы, объединенные данными признаками, являются ядерными в описываемых ассоциативных полях. В обоих полях ближайшая периферия содержит семантическую группу «семейно-родственные отношения». Это свидетельствует о значимости для носителей русского языка древнейших социальных ролей мужчины и женщины, о первостепенной роли семьи в жизни человека. При этом социально-биологическая функция мужчины – быть отцом – в сознании современного человека сопряжена с функцией защиты, поддержки. А роль матери связана с таким важным качеством женщины, как нежность. Редкие по частотности реакции указывают на следующие стереотипные характери-

стики: в отношении мужчин – «направленность на достижение результата», «значимость внешних атрибутов успеха», «проблема алкогольного пристрастия»; в отношении женщин – «эмоциональность», «физическая слабость», «нравственность».

Положительно оценочные ассоциации отсылают к идеальному образу мужчины и женщины, отрицательно оценочные, как правило, связаны с реальным жизненным опытом респондентов. Образные характеристики ассоциируют мужчину с предметами природного мира, которые выражают идею «твердости, крепости, защиты» (*стена, скала, дерево*), «независимости» (*зверь, волк*), а женщину – с идеей «легкости, нежности, света» (*вода, воздух, теплый ветер*), «красоты, мягкости, нежности» (*кошка, лебедь*).

Мужчины считают женщину хранительницей домашнего очага, немаловажным аспектом является ее привлекательная внешность. В себе мужчины больше всего ценят силу, ум, надежность, материальную и моральную самостоятельность, считают себя добытчиками и главой семьи. Женщины ценят в мужчине надежность, силу, здравый смысл, верность, ответственность, возможность содержать семью, быть защитой и опорой в жизни. В себе главными и неоспоримыми качествами находят красоту, доброту, уверенность и возможность при кажущейся слабости быть сильной в трудной ситуации.

Гендерные стереотипы актуальны для сознания современного человека, они определяют тактики коммуникативного поведения мужчин и женщин.

Литература

1. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов. 2002. <http://www.owl.ru/gender/042.htm>
2. Русский ассоциативный словарь / Под ред. Караулова Ю.Н. М., 1994-1998.

Индивидуально-авторские концепты как основа идиостиля О.Генри

С.В. Манджиева

г. Элиста, Калмыцкий государственный университет

В последнее время неслучайно наблюдается растущий интерес и потребность в лингвокультурологических исследованиях, как желание глубже, изнутри понять культуру другого лингвосоциума, увидеть сходство и различие, осознать универсальный характер общечеловеческих культурных ценностей. Сопоставительный анализ лингвистической сущности наиболее значимых концептов, ключевых для индивидуально-авторской и коллективной концептосферы призван помочь разобраться в сути их лингвокультурной специфики.

Концептосферу американского писателя О.Генри представляют индивидуально-авторские концепты, формирование которых происходит за счет выделения ключевых слов в совокупности текстов данного автора. Ключевой индивидуально-авторский концепт – это ментальное образование, в концентрированном виде выражающее систему ценностей и специфику мировидения автора и выделяемое на основании тематики соответствующих художественных произведений, развития сюжетов в них, символического осмысления этих концептов автором и его читателями.

Основанием для выявления индивидуально-авторских концептов в рассказах О. Генри служат следующие критерии: 1) тематика и развитие сюжетов его произведений; 2) литературоведческие исследования, в которых выделяются признаки идейного содержания рассказов писателя – темы одиночества, счастливого случая, любви, самоотречения и др.; 3) биография писателя, отраженная в его творчестве.

Индивидуально-авторские концепты в рассказах О.Генри обладают бинарной оценочной характеристикой, проявляющейся в контрастных диадах. Диада – это проявление диалектики познаваемого мира. Концепты, которые определяются нами как ключевые для О.Генри, содержат внутреннее противоре-

чие: «богатство» / «бедность», «удача» / «неудача», «преданность» / «предательство», «одинокчество» / «семья», «надежда» / «уныние». Вероятно, принцип конфликта как основы художественного текста соотносится с внутренней антиномией ключевых концептов. Мы допускаем, что это относится только к художественным текстам.

Ключевые концептуальные диалогии в индивидуально-авторском сознании О.Генри уточняются в его произведениях следующим образом:

а) в диалогии «богатство» / «бедность» конкретизируются образные проявления богатства и бедности и определяются их ценностные ассоциации (богатство и бедность как испытание для человека, противопоставление душевного и материального богатства);

б) в диалогии «удача» / «неудача» удача осмысливается как фоновая характеристика неудачи, главными героями являются неудачники, которые терпят жизненные крушения из-за того что они являются мечтателями, не готовы к жесткой состязательности и отказываются от борьбы; в рассказах О.Генри иронически показаны те, кто выдает себя за любимцев фортуны, в действительности ими не являясь;

в) в диалогии «надежда» / «уныние» надежда ассоциируется с волей к жизни, а уныние – с отказом от борьбы за жизнь, акцентируется стремление героев поддерживать надежду и бороться с унынием в душе близких; в отличие от признания индивидуализма ценностью американского образа жизни такой ценностью признается взаимопомощь;

г) в диалогии «преданность» / «предательство» подчеркивается бескорыстие и любовь как основа преданности и бессердечие и эгоизм как основа предательства; в концептосфере писателя успешный бизнес часто соотносится с предательством;

д) в диалогии «семья» / «одинокчество» акцентируется спасительная функция семьи для человека, особенно если он беден и подчеркивается противоп-

ставление одинокого человека, попавшего в огромный чужой город, и равнодушных к нему обитателей этого города.

В творчестве О. Генри существуют ключевые темы, которым соответствуют ключевые концепты. Рассматриваемые концепты, реализованные в рассказах О.Генри, взаимосвязаны и в своей совокупности отражают основные ориентиры писателя, выражают его ценностные приоритеты, репрезентируют индивидуально-авторское осмысление ключевых тем произведений. О.Генри создавал индивидуально-авторские концепты, которые в его рассказах получают некое приращение смысла, дополнительную смысловую нагрузку.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
3. Клебанова Е. Н. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах / Дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

История изучения ойратского литературного памятника

«Сказание нектарного учения»

Б.В. Меняев

г. Элиста, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

На сегодняшний день в отечественном монголоведении стоит задача ввода в оборот литературных памятников написанных на старописьменном монгольском языке и на ойратской («тодо бичиг») письменности, которой пользовались калмыки до 1926 г. На сегодняшний день ойратские рукописи хранятся во многих научных архивах (Россия, Монголия и ФРГ). В жанровом отношении ойрат-

ские литературные произведения XVII-XVIII вв. весьма разнообразны – сюда входят как канонические буддийские тексты (сутры, шастры), астрологические сочинения, медицинские трактаты, большой пласт произведений относящихся к литературе «народного буддизма» (различные басни, религиозные наставления с вкраплениями фольклорных элементов, джатаки и т.д.). Мы даем краткую литературоведческую характеристику старописьменного калмыцкого произведения, рассматриваем его историю изучения. К произведениям «народного буддизма» и относится ойратское «Сказание нектарного учения». Произведение представляет собой сборник, состоящий из 61 рассказа религиозного содержания, которые можно отнести к буддийским наставлениям, авторство которых приписывается самому Будде Шакьямуни. Списки рукописи этого произведения хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН [1]. Другой список рукописи хранится в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета [2]. Специальному исследованию произведение не подвергалось, а лишь упоминалось в работах академика Б.Я. Владимирцова [3] и монгольского ученого Д. Ёндона [4].

Этот памятник является одним из образцов религиозно-дидактической литературы. Сборник пользовался большой популярностью среди различных слоев ойрат-калмыцкого общества. Доказательством его широкой популярности служит тот факт, что это произведение находилось во многих книжных коллекциях Калмыкии. Известный калмыцкий просветитель и собиратель калмыцкого фольклора Н. Очиров в отчете о поездке к астраханским калмыкам упоминает «Аршани номин тууджи» [5, с. 62]. Н. Очиров обнаружил список рукописи в сборнике-молитвеннике княгини Е.Б. (г. Тюмень).

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в фонде профессора А.М. Позднеева имеется перевод памятника на русском языке, выполненный лично Позднеевым. Список рукописи сборника хранится в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН в монгольской коллекции профессора Позднеева. Рукопись переписана известным собирателем калмыцкого

фольклора И.И. Поповым. Возможно, что она была переписана у донских калмыков, так как И.И. Попов собирал фольклор среди калмыков проживавших в Области Войска Донского [6]. Сборник состоит из 61 рассказа. Главными героями рассказов выступают различные люди – купцы, цари, вельможи, бедняки, брахманы и т.д. Сюжет повествований необычайно прост и лаконичен. Характерной особенностью произведения является объединяющая весь сборник религиозная мораль, некий вывод о том, как должен вести себя внимающий учению Будды для того чтобы достичь просветления. Выводы сделанные после каждого рассказа, адресатами которых являются ученики Будды, приписываются самому Будде. Мораль, преподанная Буддой, является некоей границей между рассказами, которые не имеют оглавления в самом тексте.

Предназначением литературы такого жанра являлось прежде всего распространение буддизма среди простого народа, которому была непонятна философия буддийских сутр. Следует отметить, что «Сказание нектарного учения» является одним из образцов литературы «народного буддизма».

Литература

1. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., 1988. Т. I.
2. Uspensky. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs. Tokyo, 2001.
3. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник из Рајсатантра // Музей антропологии и этнографии АН СССР. Т. 5. Вып. 2. Петроград, 1918.
4. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М., 1989.
5. Избранные труды Н. Очирова. Элиста, 2002.
6. Попов И.И. // Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX): библиографический указатель. Элиста, 2006.

Речевые жанры в контексте лингвоантропологии

Е.А. Митина

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

Речевой жанр является одним из новейших объектов антропоцентрической лингвистики, область которой определяется как «роль человеческого фактора в языке» (Б.А. Серебренников и др.), «язык и мир человека» (Н.Д. Арутюнова), «язык – человек – картина мира» (М.П. Одинцова и др.) и т.п. Признание человеческого фактора ведущим в формировании и функционировании языка предполагает, что человек во всех его языковых ипостасях является «тем центром, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [1, с. 69].

Включение в антропоцентрическую парадигму фигуры человека как производителя языковых единиц способствовало развитию теории коммуникации и речевого взаимодействия, что обусловило возникновение в лингвистике такой единицы, как речевой жанр.

Вопрос определения термина «речевой жанр» до сих пор остается дискуссионным. В основном ученые опираются на дефиницию М.М. Бахтина, рассматривающего речевые жанры как относительно устойчивые типы высказываний, которые выработаны определенной сферой использования языка и выбор которых обусловлен коммуникативным замыслом говорящего [2].

В современных лингвистических исследованиях границы бахтинского понимания речевого жанра расширяются. К.Ф. Седов определяет речевые жанры как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [3, с. 8].

Многие из лингвистов, определяющих сегодняшний облик жанроведения (А. Вежбицкая, Т.В. Шмелева, М.Ю. Федосюк, В.Е. Гольдин, К.Ф. Седов, В.В. Дементьев и др.) не только успешно осуществляют описание и систематизацию речевых жанров, но и разрабатывают специальный метаязык для их

описания. В настоящее время учеными рассматриваются различные аспекты речевых жанров: лингвистические, стилистические, психолингвистические, культурологические, когнитивные и т.д. Однако до сих пор некоторые вопросы остаются неясными. Среди них – вопрос о разграничении жанра речи и речевого акта, стиля, речевого события, построение типологии речевых жанров и методика их описания.

На современном этапе развития становится актуальным анализ речевого жанра при помощи категории концепта. Действительно, «жанры составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт» [4, с. 106], поэтому многие исследователи, работающие в рамках когнитивной лингвистики или лингвокультурологии, обращаются именно к речевым жанрам.

По мнению Г.Г. Слышкина, в речевом жанре отражается определенный набор ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов. Исследователь считает, что в картине мира каждого жанра можно выделить один или несколько системообразующих концептов, а также ряд концептов, служащих средством их конкретизации. Таким образом, если концепт становится жанрообразующим, выражает потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых создается определенный жанр, то это свидетельствует о значимости (ценности) концепта в данной культуре [5].

Речевой жанр является важной единицей современной антропоцентрической лингвистики, исследования которой ценны как сами по себе, так и для уточнения сведений о других единицах. Так, плодотворным представляется обращение к понятию речевого жанра в связи с изучением концептов, значимых для той или иной лингвокультуры.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в семи томах. М., 1996. Т.5. Работы 1940-1960 гг.

3. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
4. Дементьев В.В. Когнитивная генристика // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
5. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов, 2005.

Особенности перевода политкорректной лексики в английском языке

Л.М. Михайлова

г. Ростов-на-Дону, Педагогический институт

Южного федерального университета

Целью политически корректной лексики является избежание дискриминации людей по разным признакам, например, расовым, половым, возрастным и т. д. Политическая корректность предполагает замену слов, которые имеют половую принадлежность, на гендерно-нейтральные термины, например, «chairperson» вместо «chairman» (председатель), использование различных форм с «challenged» («человек с особыми потребностями», букв. перевод: «тот, кто вынужден преодолевать трудности») вместо использовавшихся ранее простых слов для людей с физическими недостатками («слепой», «хромой», «инвалид»).

Религия и общество. Использование политкорректной лексики в религиозной сфере привело к тому, что в некоторых англоязычных странах традиционное пожелание «Merry Christmas» («веселого Рождества») стали часто заменять на «Happy Holidays» («счастливых праздников») в случаях, когда оно обращено к людям неизвестного вероисповедания (например, к широкой публике).

Сексуальная ориентация и общество. В последние 10-15 лет понятие политкорректности постепенно стало распространяться и на сексуальные мень-

шинства. Политкорректность по отношению к ним предполагает неприемлемость призывов к какой-либо дискриминации или ограничению прав или к преследованию представителей сексуальных меньшинств, пропагандирующих нетерпимость к сексуальным меньшинствам, гомофобию, гетеросексизм (гетеросексуальный шовинизм), а также недопустимость употребления по отношению к сексуальным меньшинствам оскорбительных для них наименований наподобие «содомиты», «гомики».

Гендерная идентичность. Корректными обозначениями для транссексуалов стали MtF и FtM. Путаница в СМИ – как называть транссексуалов (он/она, бывший мужчина, бывшая женщина) вызвано непониманием сути этого явления. По-прежнему широко распространено считающееся транссексуалами некорректным выражение «сменить пол» (вместо «коррекция пола»).

Гендерное неравенство. Некоторые считают слово «woman» неравноправным словом «man». Последнее ранее означало «человек», но было монополизировано как название мужчины. Вместо «woman» используют «female» и слова, возвращенные из древневекового английского.

Национальные отношения. Примером политкорректности по отношению к национальным и этническим меньшинствам является состоявшееся в США общественное признание недопустимости называния чернокожих американцев «неграми» («Negroes»). Одной из причин является близость этого слова к ругательному «ниггер». В последнее время по отношению к гражданам США даже термин «черные» («black») используется все реже заменяясь на «афроамериканцы» («african Americans»), хотя в Африке живут не только негры, а применение этого термина к негру, родиной которого не является Америка, также очевидно некорректно. В русском языке употребление слова «негр» в значении «чернокожий человек» абсолютно допустимо, так как в культурной и исторической традиции не несет на себе отрицательных коннотаций и оскорбительных созначений. Евреев нельзя называть «жидами» («kikes»), испаноязычных американцев «латиносами» (правильно:

Mestizo), индейцев следует называть коренными американцами («native Americans»). Признана недопустимой пропаганда национальной розни, призывающая к дискриминации, сегрегации меньшинств. Нужно отметить, что политкорректность в ее текущем понимании на Западе не обязывает и не требует ни от кого не только «любить» чернокожих, испаноязычных или носителей гомосексуальной ориентации, но даже и просто терпимо к ним относиться. Она лишь предполагает, что человек, выражающий гомофобные, националистические, расистские или иные ксенофобные взгляды, равно как отдающий (даже и объективно обоснованное) предпочтение представителям большинства над представителями меньшинств, не получит голоса в средствах массовой информации, может стать жертвой судебного преследования и социальным изгоем.

Архетипы сакрального ландшафта в хронотопе романов якутского писателя В.С. Яковлева-Далана

С.Е. Ноева

г. Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

На современном этапе создание пространственно-временной картины мира в художественных текстах обнаруживает тенденцию к усложнению. Изменение восприятия времени и пространства повлекло за собой модификацию формы их существования в художественном тексте. В данной статье предпринята попытка выделить хронотопический комплекс в романах В.С. Яковлева-Далана в контексте целостного рассмотрения прозы писателя в ее развитии.

Хронотоп в романах писателя заслуживает специального научного исследования, так как данная область поэтики его романов остается до сих пор недостаточно изученной. Категории времени, пространства в романах «Глухой Вилюй» (1984), «Тыгын Дархан» (1993) Далана играют существенную роль в сюжетообразовании, типизации и выражении авторской идейно-эстетической концепции. Посредством воссоздания героической эпохи Тыгына, атмосферы XVI-XVII вв. выстроено особое ментальное поле эпохи, выявлены этнопсихологические характеристики народа саха.

Образы родного микромира – Туманнаах тьюбэ, Вилюя, Великой Туймаады представлены в качестве жизнеутверждающих начал человеческой экзистенции. Особое значение обретает в романе гносеологический принцип освоения пространства, то есть способ познания природного внешнего мира и своего внутреннего мира. В связи с этим писателем в контексте всей идейной концепции романа правомерно использован мотив освоения земли, нового пространства, а значит, раскрытие новых горизонтов в познании человека (например, путь Ньырбачаан, Даганчи, Туога Баатыра).

Хронотопическая проекция наделена особой панорамностью. В романе названия природных объектов, ландшафтов обозначены с большой буквы: Чачыгыр Таас Дьяангы, Муус Кудулу Далай, Улуу Манган Дуол, Баай Хара Тыа, Орто Аан Ийэ дойду, Айгыр Силик Айылга, Аламай Манган Кюн, что подчеркивает особое отношение к природному миру.

Центральное место в романном топосе занимает долина Туймаада. С самого начала повествования обращается внимание на ее сакральное значение. Географические топосы, такие как Чагылыма Чагылытта, Кыыс Тыганы, Кыыс Ханга, Кийиит Бэйдингэ наделяются особыми сакральными свойствами. Основным локусом, центральной географической реалией в романе является алаас – обжитое пространство якута, олицетворяющий микромир героя.

Особым значением наделен архетип дивной земли, каким представляется Глухой Вилюй (Бютэй, Сяа, Хоргун Бюлюю) для осваивающих его людей. В

этом же аспекте стоит обратить внимание на включение в хронотоп описания «тиигээн» – местности, наиболее удобной для охоты. Кодовым значением наделяется понятие «ойдуо», «время ойдуо».

Переселение в Глухой Виллой клана Туога Батыра, вступление людей в совершенно новый для них тип устройства жизни означает включение их сознания на качественно другой уровень. Логически обусловлено появление героя познающего, каким является Туога Баатыр, абсолютным критерием в миропонимании у которого является отношение к земле. Земля понимается им не только как пространство обживания, но и как центр человеческой экзистенции, модель олицетворенного космоса, сущности человека.

Литература

1. Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
2. Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск, 1993.
3. Яковлев В.С.-Далан. Тулаайах ого. Якутск, 1983.

Гендерная идентификация в процессе развития женских журналов

В.В. Смеюха

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Гендерная идентификация, являющаяся одной из разновидностей социальных идентификаций, подразумевает личностное ассоциирование индивида с феминной или маскулинной группой. Женские журналы образуют сферу, в которой осуществляется функционирование и развитие гендерного дискурса, происходит утверждение гендерных характеристик на общественном и индивидуальном уровне, норм и стандартов поведения, причем не только феминной, но и маскулинной групп. Развитие и становление системы женских

журналов связано с изменяющимися представлениями социума о категории женственности, функционально-ролевых характеристиках женского сегмента, что ведет к модификации гендерного дискурса, типологических особенностей изданий.

В ходе историко-типологического развития периодические издания, адресованные женской аудитории, реализовывали различные комплексы задач. В зависимости от условий социальной действительности в модели женских журналов могли преобладать развлекательные, культурно-просветительские, образовательные, пропагандистские функциональные концепты, которые способствовали привлечению внимания гендерного адресата, реализации информационного воздействия, конструированию гендерных форматов и их распространению. Доминирование типологических форм женских журналов связывается с инновационными процессами в обществе, с изменением ментальных установок в гендерных моделях. Особенности процесса гендерной идентификации в женских журналах мотивируются социальной ситуацией, а также факторами, отражающими специфику типа социума на определенном историческом этапе.

История развития отечественных женских журналов началась в последней четверти XVIII в., первоначальный опыт выпуска женского журнала состоялся в условиях оформления типов журнальной периодики, использования журналов в качестве источника распространения знаний, наук, что мотивировало создание типологической концепции женского издания, базировавшейся на культурно-просветительских традициях. Доминирование патриархатных отношений, утверждение философско-символического образа дамы, распространение сентиментализма в литературе вело к отражению в прессе соответствующего типа женщины.

На современном этапе типологическое формирование женских журналов определяется условиями развития медиарынка, субъективными интересами женских читательских групп, направлениями массовой культуры, информа-

ционными технологиями. Концепция женского журнала объединяет в себе аспекты массового периодического издания, вследствие чего оно ориентировано на привлечение широкого читательского сегмента с помощью развлекательного контента и информации практического характера; женский журнал демонстрирует сближение с рекламной коммуникацией, участие в расширении рынка потребительских товаров и услуг, включенность в глобальную информационную сеть, дистанцированность от общественно-политической деятельности, позиционирование гендерных типов поведения, реализация которых затруднена в практической действительности (изображение сильных, самостоятельных, успешных, красивых женщин, реализующих себя в профессиональной и семейной сферах), что оказывает определенное влияние на образ, поведение, мышление аудиторных масс.

Таким образом, система отечественных женских журналов выступает в качестве подсистемы периодических изданий, она объединяет типы журналов, адресованные женской аудитории, реализующих спектр функций, направленных на поддержание гендерной идентичности, оформление гендерных моделей поведения в массовых женских журналах происходит с учетом гендерной поливариантности, патриархатных архетипов, материальных ценностей, концептов массовой культуры, что ведет к метальной трансформации феминной группы.

Литература

1. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
2. Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2005. № 1.

Особенности аналитического и глянцевого медиадискурса о культуре

О.В. Ширяева

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Понятие медиадискурса все более активно вовлекается в сферу лингвистических и междисциплинарных исследований, рассматривающих язык СМИ с точки зрения социологии, психологии, политологии, культурологии. Термин медиадискурс вошел в отечественный научный лексикон в последнее десятилетие (Л.М. Землянова [1], Т.Г. Добросклонская [2], В.Д. Рузин [3] и др.) под влиянием теории дискурса. Исследование дискурса акцентирует экстралингвистические, то есть социокультурные, прагматические факторы, влияющие на формирование определенной совокупности текстов единой функциональной направленности.

Медиадискурс – это совокупность текстов, производимых средствами массовых коммуникаций: журналистских, рекламных, пиар-текстов, текстов Интернет-формата. Типология медиадискурса по формальным признакам позволяет выявить информационный, аналитический, художественно-публицистический, социально-сетевой, глянцевого (развлекательный). По содержательным признакам многообразие массмедийных дискурсов систематизируется тематически: политика, бизнес, спорт, культура и т.д.

Мы рассматриваем особенности аналитического и глянцевого медиадискурса о культуре, поскольку, во-первых, в данном ракурсе тексты о культуре редко исследуются в рамках теории языка, становясь чаще всего предметом изучения истории художественной критики, истории журналистики; во-вторых, сравнительный анализ двух данных типов медиадискурса позволяет выявить современные проблемы состояния культуры, его рецепции обществом, обнаружить специфику подхода массовых развлекательных изданий и специализированных изданий о культуре. Аналитический подход к событиям и явлениям культуры реализуется в специализированных печатных СМИ о культуре («Искусство кино», «Киноведческие записки», «Художественный журнал», «Петербургский

театральный журнал» и др.), развлекательно-рекреационный подход осуществляется глянцевыми СМИ о культуре («Афиша», «Собака», «Ваш досуг»).

Материалом нашего исследования послужил контент журнала «Искусство кино» (2008-2009) в качестве образца аналитического дискурса о культуре и контент журнала «Афиша» как образец глянцевого медиадискурса о культуре (2008-2009).

Особенности аналитического медиадискурса о культуре состоят в следующем: 1) методологической основой является аксиологический подход к культуре; 2) экстралингвистический фактор образованной и гуманитарно ориентированной целевой аудитории определяет характер сообщений; 3) семантика текстов ограничена предметной областью данного вида искусства (кино) и редко выходит за ее рамки (экономическая, гедонистическая тематика); 4) стилистика содержит элементы общеупотребительной и специализированной лексики (киноведческая терминология), синтаксис выдержан в рамках регистра письменной литературной речи, включая жанр интервью. Особенности глянцевого медиадискурса о культуре: 1) методологической основой является рекреационно-развлекательный и рекламный подход к культуре; 2) целевая аудитория жестко ограничена по экономическому (уровень дохода выше среднего и очень высокий) и возрастному критерию (20-40 лет); 3) семантика текстов охватывает периферийные по отношению к искусству и культуре темы (бизнес, отдых, туризм); 4) стилистика ориентирована на разговорный регистр.

Литература

1. Землянова Л.М. Методологические приоритеты коммуникативистики и их модернизация в новом столетии // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2008. № 10.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008.
3. Рузин В.Д. Средства массовой информации и социокультурная сфера современного общества // Дис. канд. филос. наук. Волгоград, 2008.

**Специфика переводческих интерпретаций как показатель национальной самоидентификации переводчика
(на примере вольных переводов А.Е. Кулаковского и П.А. Ойунского)**

В. Д. Яковлева

г. Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

В якутской поэзии начала XX в. наблюдается практика вольных переводов, особенность которых выражается в переложении содержательных аспектов в соответствии с эстетическими возможностями «своего» читателя, с традициями родной литературы и языка. В целом насчитывается около 10 вольных переводов, характерной чертой которых является национализация как переводческий принцип интерпретации текста оригинала. При этом трансформационные действия зависят как от субъективных, так и объективных факторов. В переводе А. Е. Кулаковского отклонения от текста оригинала носят субъективный характер, так как обусловлены прежде всего его творческими принципами и восходят к избранной им стратегии: ориентация на доступность для якутского читателя, адаптация для его восприятия, внедрение образов, фоновых реалий в соответствии с их мифологическими представлениями. В переводах П. А. Ойунского мы наблюдаем уже объективную причину – необходимость переводческих отклонений в соответствии с воспринимаемыми ритмико-композиционными особенностями текста оригинала.

Первый вольный перевод принадлежит основоположнику якутской литературы А. Е. Кулаковскому, который под псевдонимом Акула опубликовал в газете «Якутская жизнь» (1908, 24 апреля) изложение содержания поэмы «Демон» и дал вольный перевод «Клятвы Демона» М.Ю.Лермонтова посредством фольклорной поэтики. При переводе поэтического отрывка «Клятва Демона» А.Е.Кулаковский руководствовался целью передать не только содержание текста оригинала, но и собственно строение образа Демона, пока-

занное в сложных неразрешимых противоречиях, что было новым и оригинальным для него в плане творческого осмысления. Перевод якутского поэта носит жанровую специфику традиционной обрядовой поэзии и выполнен аллитерационными стихами с применением фольклорных средств (однородность синтаксических конструкций, последовательность описания с использованием параллелизмов, пышных эпитетов, повторений и т.д.).

В отличие от поэтического перевода А.Е.Кулаковского, новаторство другого основоположника П.А.Ойунского проявилось в освоении следующих иноязычных традиций: идейный пафос, мотив, интонационно-ритмический строй. Например, при переводе «Интернационала» А.Я.Коца (1921) он осваивает интонационно-ритмическую структуру декламационного стиха с соответствующим ему публицистическим пафосом. П.А.Ойунский ориентируется на адекватную передачу ритмико-композиционного оформления: сохраняет и строфическую организацию, и ритмико-интонационную структуру, придерживаясь соответствующего оригиналу количества слогов в стихах. Однако силлабо-тоническая система преобразуется в традиционный для якутской поэзии силлабический строй стиха. Отклонения в области образной системы, обусловленные спецификой его национального самосознания и ассоциативного мышления, а также введение слоговой аллитерации в стихи, расцениваются нами как проявление его самобытного стиля. П. А. Ойунский выбирал слова, заменял их, перечеркивал, находил наиболее эквивалентные формулы революционных призывов на якутском языке с соответствующей поэтической лексикой, стремясь подогнать их под интонационно-ритмический строй маршевого гимна.

Таким образом, в переводах основоположников якутской литературы доминируют отклонения, расцениваемые как намеренные трансформационные действия, но на самом деле являющиеся показателями национальной самоидентификации переводчиков.

Литература

1. Башарина З. К. Взаимодействие русской и якутской литератур: Учебное пособие. Якутск, 1992.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М., 1990.
3. Куракина Т. С. Среди поэтических строк А.С. Пушкина (к вопросу о лингвистическом анализе стихотворения А.С.Пушкина «Туча» в 5 классе) [Электронный ресурс]: Материалы Международной научной конференции «А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков». URL: <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/sod.htm>
4. Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. Якутск, 2005.
5. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии. Новосибирск, 2002.
6. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2006.
7. Покатилова Н.В. Становление литературы. Очерки по якутской раннелитературной традиции. Якутск, 1999.
8. Сыромятников Г.С. Идеино-эстетические истоки якутской литературы. Якутск, 1973.
9. Хабибуллина А. З. Переводы стихотворений Пушкина Тукаем (эстетическая интерференция) [Электронный ресурс]: Материалы Международной научной конференции «А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков». URL: <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/p44.htm>
10. Языковые и культурные контакты различных народов: сборник статей Международной научно-методической конференции. Пенза, 2010.